

ТРАПЕЗА МЯТЕЖНИКА

ДЭВИД ЛАЗБА

Дэвид Лазба

Трапеза Мятежника

«Издательские решения»

Лазба Д. З.

Трапеза Мятежника / Д. З. Лазба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749893-1

«Трапеза Мятежника» — аллегорическая повесть о путешествии людской сущности по просторам бытия. Д. — одинокий молодой герой — выступает в роли яростного критика окружающего социума, разбивая его шаблоны. Замкнувшись в себе, Д. искусно приготавливает трапезу, используя ингредиенты собственного разума. И каждый, кто не устоит перед соблазном вкушать эту пищу, будет приговорен к вечной гибели.

ISBN 978-5-44-749893-1

© Лазба Д. З.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	10
4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Трапеза Мятежника

Дэвид Лазба

Vita est ars moriendi

Все началось неправильно.

И конец предвещает быть еще более неправильным.

© Дэвид Лазба, 2017

© Сергей Веденский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-9893-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

На похоронах бабушки – невыносимо. Она не желала ни погребального обряда, ни панихиды, ни речей, по той причине, что всю жизнь являлась ярым скептиком, не доверяющим религиям с их разнящимися аксиомами.

Здесь нет священника или кого-то напоминающего его, лишь пару неволей сопричастных персон: сестра бабушки, с которой та не разговаривала на протяжении десяти лет; ее дети, у которых никогда не возбуждался интерес к жизни кровной тети; их отец, не имеющий понятия, что здесь вообще забыл (он вечно посматривает на свой вибрирующий телефон и приходит в бешенство от того, что не может ответить); старая подруга, с которой мне довелось познакомиться лишь сегодня; и, собственно, я – единственный ее друг и враг.

Молчание. Иногда одиночные выдавленные из себя всхлипывания. Мне настолько плохо, что все эмоции испарились, оставив лишь небольшое облако безразличия. Я неторопливо брожу вокруг гроба, дожидаясь, пока батраки, наконец, выкопают яму в земле и ввергнут туда гроб с телом. И все-таки не получается до конца поверить во все это. Будто не взаправду мы тут собрались. Разыгрываем какой-то глупый спектакль, просто дурачимся. Эх, если бы.

Не знаю, как назвать то, что вырастает во мне при виде этого бледного тела. Образ, застывший на лице умершей, наталкивает на мысль о том, что, расставаясь с жизнью, она узрела некую истину, подвергшую ее в мирскую грусть, причем столь сильную и разъедающую, словно это должно воплотить и сделать зримым тайные муки и страдания множества людей, ушедших на тот свет.

В конечном счете, муж сестры срывается, делает шаг назад, разворачивается и уходит прочь, все-таки отвечая на звонок. Я провожаю его пронзительным взглядом, но ему нет никакого дела до того, что тут происходит. Мало того, что он даже не попросил прощения, так еще и громко разговаривает, размахивая руками, а затем резко начинает хохотать. Всем становится откровенно стыдно за его необузданность. Своим куцым умом он, вдруг, соображает, что напрасно рассмеялся, но, видимо, звонок донельзя значимый. Это, по всей видимости, его начальник, перед которым он готов прыгать, как собачонка, лишь бы угодить и польстить ему.

Яма вырыта и можно приступать к погребению. Но, вдруг, подруга бабушки решается на повторное прощание: подходит к телу и, хлюпя носом, произносит:

– Она была чудесным человеком! Царство тебе небесное! – Затем целует в лоб и возвращается на место, бросая на меня вопрошительный взгляд, дескать, не хочешь и ты чего-нибудь хорошего сказать. Но нет. Мне нечего говорить. И тебе не следовало.

На похоронах я впервые. Немало знакомых и родственников ушло из жизни за последние пять лет, но ни на одних прощаниях я не присутствовал, дабы не выглядеть так же отвратительно, как и все, собравшиеся здесь. Как это называется – проявление уважения в последний раз? Где их носило при ее жизни? Уже не важно. Они попросту пытаются отдраить свою запачканную совесть, если та у них, конечно, еще имеется. А, вообще, сомневаюсь. Множество людей ее роняют и даже не разыскивают потом. Эта утрата им на руку.

– Брат, помоги! – Требуется у меня рабочий. – Подержи эту веревку. Только, смотри, держи крепко.

Я повинуюсь, ухватываюсь посильнее.

– Отпускай потихоньку! – Распоряжается другой.

Мы медленно погрузили тело бабушки в землю. Я отпустил веревку и глянул в пропасть. Надо было ее кремировать.

– Спасибо. – Говорят рабочие.

– Спасибо. – Говорю я.

– Спасибо. – Говорит семья сестры.

Мы сухо прощаемся. Неловкость зашкаливает. Но у них, не у меня. Мне все равно. В моих глазах опустошенность. Очевидно, они замечают это, но делают последнюю попытку – предлагают подвезти до дома, но я, конечно, отказываюсь. Пройдусь. К счастью, мы с бабушкой жили неподалеку отсюда, где-то в двадцати минутах ходьбы.

– Еще раз соболезнаю. – Подходит ко мне подруга бабушки.

– Спасибо.

– Если тебе что-то понадобится, обращайся!

– Огромное спасибо.

Она тоскливо улыбается и ступает прочь. «Обращайся», ха-ха, куда обращаться? Я вижу тебя первый и, надеюсь, последний раз.

Из-за деревьев выкатилось заспанное солнце и затопило ярким светом все пространство кладбища. Я продолжаю стоять, сосредоточенно всматриваясь в то, как рабочие закапывают мою бабушку. Так хладнокровно, почти сурово. Это их работа. Подумать только – хоронят людей и получают за это деньги. Интересно, когда они перестали что-либо чувствовать к тем, кого впахивают в верхний слой земной коры? И были ли чувства вообще? М-да, тошнотворно все это.

Один из них замечает, что я наблюдаю за ними и шепчет своему напарнику что-то на другом языке, кивая при этом в мою сторону. Теперь они оба останавливаются и впиваются в меня глазами, как бы намекая на то, чтобы я проваливал отсюда. Я мысленно приказываю им: «продолжайте работать, грязные илоты – в вашу обязанность не входит смотреть по сторонам и, тем более, разговаривать. Мертвец сам себя не закопает». Мое выражение лица постепенно ожесточается, я не свожу с них глаз. Жаль, у меня нет кнута в руке, я бы непременно стегнул их им. Каким-то образом они улавливают эту мысль, призрачно ощутив страдания предков, и по привычке испугавшись, возвращаются к своей работенке.

Мне окончательно надоедает наблюдать за этой картиной, и я ретируюсь. Интересно все-таки, как будут проходить мои похороны. Увижу ли я их? Да и кто вообще ими займется? Кто на них придет? Впрочем, у меня вся жизнь впереди и, может, я встречу того, кому придется меня хоронить или, на худой конец, хотя бы присутствовать на прощаниях. Не всегда же мне этим заниматься. И еще – если кто-то захочет сказать про меня пару слов, надеюсь, он додумается придумать что-то вроде: «Д. был очень веселым парнем. Он постоянно смеялся и шутил» – это единственное мое пожелание. А в какой гроб, где и как меня будут хоронить – неважно. Я не обижусь, если на моем трупе сэкономят. Все равно все сгниет.

Перехожу сквер народного героя. Его памятник усеян голубиным пометом. Сейчас, в полдень, тут как-то по-другому, не так, как несколько дней назад, ночью, когда я бродил здесь без всякого дела, не добиваясь никаких успехов. Думал о девушках и любви, в целом, – это приятно. И сейчас я так же невольно фантазирую о том, кого и как часто смогу приглашать в гости. Раньше такой возможности вовсе не представлялось. Последние три года бабушка почти не выходила, отбывала заключение в квартире, по причине болезни. Теперь квартира моя, и пару тысяч, которые, оказывается, все это время, хранились в банке, у нее на счету. Ума не приложу, отчего она раньше не ставила меня в известность о них. Но зато теперь – это хороший сюрприз. Не скажу, что я улетел в поднебесье от восторга, нет. Мне паршиво. А квартира и деньги лишь немного сокрушили скорбь или даже напротив, ткнули в воспаленную рану – я еще не определился. Во всяком случае, растрачивая их, я с уверенностью могу сказать, что перед глазами будет стоять алебастровое слегка надменное лицо бабушки. Она была довольно-таки автономной личностью, особенно под конец жизни. Ни с кем не считалась, имела свое трезвое мнение, которое невозможно поменять или хоть немного пошатнуть. Не существовало в мире человека, способного привести ее в восторг или как-то зажечь. Ее вдохновляли лишь деньги, вкусная еда и сериалы, над тупостью которых, она смеялась так, как ни от чего другого. Громко и искренне. К чужим проблемам относилась очень холодно, над любовными

неудачами – надсмехалась, а когда ей жаловались на здоровье, она, молча, натягивала штаны до ляжек и демонстрировала свои отечные мучимые варикозом ноги. Я иногда представлял ее на своих похоронах, всю в черном с сухими безжалостными глазами, в которых циркулируют слова: «Я же говорила тебе...» Это излюбленная фраза, которой она всякий раз, когда я угождал в очередную передрагу, презрительно швырялась в меня, точно острым дротиком.

Да... Я буду скучать по тебе, бабуля.

2

Никто теперь не будет дожидаться меня здесь, в этой сиротливой однокомнатной квартире. Больше никакого вкусного ужина, после работы; стиранной и глаженной одежды; хохота, оглушающего не только меня, но и весь дом; стонов от боли.

Ее больше нет. Я погрузился в абсолютное одиночество. Теперь и физическое.

Не успев толком раздеться, я вытаскиваю из шкафа громоздкий потрёпанный чемодан, и принимаюсь запихивать в него бабушкины вещи. Все, что попадает под руку: платья, брюки, кофты, куртки, сумки, туфли, стаканы, сервизы, игрушки, ее и родительские старые фотографии, цветы, книги, кувшины. Все это мигом преобразилось в какой-то ненужный хлам – вот оно, имя прошлого. Чемодан очень скоро забивается до отказа, и я направляюсь за следующим.

В итоге все уместилось в два. Я страшно запыхался и, наконец, могу плюхнуться на кровать.

Теперь эта комната практически сходственна с моей заскорузлой душой. Только белые стены и мебель. Никаких цветков, украшений, подставок и прочего барахла. Я оставил всего одну фотографию бабушки, но, думаю, скоро и ее выкину. Прощаться с человеком нужно целиком и полностью, во всех отношениях. И память о нем ни к чему хорошему не приведет, если только к беспомощным и неутешным слезам, да соплям. Но дело в том, что людям нужна трагедия. Всегда и везде. А как только они ее получают – жадно смакуют ею. До последнего выжимают из злключения все соки, а затем брызжут своей скорбью на всех подряд, выставляя ее напоказ. Сострадать таким людям – недопустимо.

Но вот, какой вопрос меня по-настоящему волнует – куда она отправилась? Вероятно, наконец-то, вышла за пределы физической вселенной. Но слышит ли она меня сейчас, умеет ли читать мысли? Витать, перемещаться во времени? И существует ли на самом деле время? Возможно, оно иллюзорно и связано лишь с сознанием, как коллапсирование волновой функции в квантовой механике.

Давай, предоставь ответы на мои пытливые вопросы. Покажи, что мир и материя не так абсурдна, как кажется. Дай мне знак, заставь почувствовать какую-то энергию, сконцентрированную в медленной вибрации. Я вытягиваю руку и ожидаю чего-то, подобно наивному ребенку, но ничего не происходит. Что ж, раз от умерших никакого толку на Земле нет, то я надеюсь, что они не видят меня. Я очень не хочу этого, потому что если жизнь после смерти все-таки существует, то и суть всего земного там тоже постигнуто. А это означает, что в ваших глазах все мои мысли и поступки – сплошная нелепость, ибо вы перешли на другой уровень. А что имеет смысл на одном уровне, может потерять его на другом и стать бессмысленным. Однако я и без вас знаю, что во многом не прав. Но остальной мир еще в большем заблуждении, не так ли? Мир, который мы сконструировали у себя в голове – в корне отличается от реального мироздания. Но что нам еще остается делать? Отвратительное Эго общества перестало нуждаться в поиске и познании истины. Оно лишь выдумывает новое, абсолютно бредовое, слепля одну религию с другой, вырывая новые нормы поведения, за счет которых цепи рабства лишь крепнут, однако, единое вульгарное восприятие нашептывает, будто свобода настолько близка, что нужно лишь протянуть руку и дотронуться. А тот, кто в одиночку отправляется путешествовать в поиске чистой, святой правды, в итоге, теряет дорогу, падает на мосту между истиной и измышлениями, и стонет, валясь с остальными. Теми, кто уже отстал свое. Теперь они просто лежат, изредка, мыча.

Ладно, нужно сходить выбросить мусор.

3

Я приобрел черную краску и малярную кисть, хочу порисовать что-нибудь на этой пустой белой стене. Никогда раньше такого не делал, но всегда имел большое желание. Эта идея несет в себе одновременно двойной характер – разрушение и творение. Даже не знаю, что мне нравится больше. Уничтожая что-либо, ты ощущаешь некое высвобождение. Впервые я почувствовал это, когда подрался. Один пацан весь пятый класс бесконечно донимал меня, и, решившись, я сломал его. Повалил на землю и выбил из гада всю дурь. С тех пор я понял, как находить общий язык с ровесниками и, в целом, парнями. Затем я отправился на секцию боевых искусств и осознал там, что причинять боль людям – плохо, но занимаясь этим, развивая тело, характер и умения, я нивелировал зло, присущее насилию, преобразовывая с минуса на плюс. И в итоге окончательно разрушил в себе желание драться, применяя навыки причинения насилия для собственного развития. По большому счету, агрессию испытывают лишь трусливые люди, не уверенные в своих силах, пытающиеся доказать всем обратное: как мопс, лающий на волкодава. Обретая силу, пропадет боязнь показать свою слабость. Сколько я видел драк – всегда дерутся люди, которые не умеют драться. Но самое смешное в том, что нам на данном этапе развития уже незачем испытывать страх, хотя политика и религия нас в этом старается переубедить. Исходя из этого – разрушающий что-либо, чаще всего, боится. А тот, кто что-то создает? Боится ли он? Страх везде и всюду. Мы родились в нем, вышли из него и следуем в него. Он всегда видоизменяется и проявляется в абсолютно разных сферах нашей жизни. Порой, мы даже не подозреваем о том, что боимся, выдаем это состояние за другое, иногда положительное, потому что оно влечет за собой некую реакцию, которая часто помогает в решении той или иной проблемы. Как в случае с дракой: ты бьешь, потому что боишься получить первым по лицу, проиграть. И агрессия, порождаемая страхом, помогает тебе. Но факт – ты надул в штаны, потому что опять же недостаточно силен в этой области.

Макнув кисть в черную бездну краски, я замахнулся и осыпал стену ядовитыми каплями. Это выглядит подобно вселенной в начале ее создания. Продолжив эту воображаемую линию в прошлое, я нафантазировал, что когда-то в мире были только звёзды и мы – это дети звёзд. Получается, в самих звёздах и даже в пустоте, предшествующей созданию нашей вселенной, уже заложено появление самоосознающей жизни при благоприятных условиях. Выходит, мы не более живые, чем звёзды. Но глупо сравнивать себя с Богом, хоть я и творец этого сюрреалистического портрета.

Я подошел ближе, и все напросилось само – сначала глаза, затем хмурые пышные брови, крючковатый нос и улыбка до ушей, которые я нарисовал последними. Мне понравилось. Я снова макнул и принялся вырисовывать волнистые линии справа и слева от лица. Океан. Хочется продолжать, но кажется, что все на своих местах и, дополнив что-то, я нарушу минимализм, который очень хочется сохранить.

Я присел, любуясь своим творчеством, но вскоре стало как-то необычайно и неприятно одиноко. Захотелось разделить эту минуту хотя бы с каким-нибудь животным. Пусть это даже будет маленький хомячок. Или нет, не стоит – за ними нужно убирать фекалии и кормить, не хочу быть ответственным за чью-то жизнь. Когда впервые заводишь животное, кажется, будто оно что-то понимает, умеет рассуждать. Ты рассказываешь ему о своих переживаниях, изливаешь душу, а оно смотрит на тебя такими, казалось бы, умными выразительными глазами и становится немного легче. Однажды у меня был кот, и как-то раз я сказал ему:

– Друг, если ты понимаешь меня, тронь мой палец. – Я поднес руку прямо к его мордочке и повторил. – Тронь меня, если понимаешь, что я говорю. Ну же!

Но он не тронул. Словом, бестолковые для человека существа. С ними приятно играть, когда они маленькие и легко любить. Но как вырастают – это наглые и ленивые недохищники,

которые то ли не понимают тебя, то ли слишком презрительно к тебе относятся, чтобы как-то отвечать.

Может, тогда девушку завести? Если только она не пропишется здесь на постоянное проживание, а то я свихнусь от бытовщины и повторного захламления моей обители. Хотя об этом рано думать. Сначала нужно уволиться с работы.

4

Я всегда до мозга костей ненавидел обучение. С первого класса. Казалось, что вещи, которые нам преподают – хлам, предназначенный для того, чтобы в будущем сделать из нас рабов системы, бездумно служащих на благо страны. А самое гадкое то, что большинство это понимает и добровольно на все подписывается, то ли выбора не имея, то ли храбрости, не знаю. Другая часть: те, кто не понимает этого – у них слабоумие, и им нужна помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.